

М.Д. Яндиева

Книжная серия «Воспоминания соловецких узников (1923–1939)». Том пятый¹

Пятый том фундаментального издательского проекта включает в себя аналитические статьи и семь мемуаров, повествующих о Соловецком лагере особого назначения периода 1927–1933 гг.

Небольшой, но очень емкий по своему содержанию справочно-аналитический корпус (статьи иерея В. Умнягина М.А. Смирновой, К. Пьералли и О.В. Бочкаревой) – концептуально значимая прелюдия к мемуарному корпусу, которая дает читателю общие и важные сведения и ставит необходимые акценты в трагической истории Соловков конца 1920 – начала 1930-х гг.

Нынешний год, «который стал временем подведения итогов и символическим началом нового исторического цикла для нашей истории»², предполагает открытое и незашоренное обсуждение всего того, что произошло в России в прошлом столетии. В. Умнягин верно отмечает в своей статье «Отношение соловецких мемуаристов к событиям 1917 года», что две подряд революции и Гражданская война, террор – отправные точки в судьбах всех мемуаристов. Их живые свидетельства помогают нам глубоко и остро понимать человеческие страдания и эмоции, которых не может быть в исследовательских работах, сводящихся либо к статистике, либо к политологическим размышлениям о внутривластной и экономической сторонах рассматриваемого периода.

М.А. Смирнова в статье «Соловецкие краеведы» сообщает уникальные сведения о чисто русском явлении – Соловецком обществе краеведения, чья естественнонаучная и гуманитарная деятельность стала прорывом в исследованиях родной земли и ее истории, а также феноменальным способом сохранить в себе «человеческое достоинство в кошмарной лагерной реальности» (С. 31).

¹ Воспоминания соловецких узников: [отв. ред.: иерей Вячеслав Умнягин]. Соловки: [Б. и.], 2013 – . (Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг.). Т. 5: 1927–1933. 2017. 672 с.: ил. ISBN 978-5-91942-041-5, ИС Р17-708-0299.

² Там же. С. 7. В дальнейшем при ссылках на издание номера страниц будут указываться в скобках.

Таким же способом «достижения внутренней независимости и определенной свободы самовыражения» (С. 8) стало поэтическое творчество соловецких каторжан, о чем пишет филолог К. Пьералли в статье «Поэзия узников соловецких лагерей: несколько замечаний по теме». Итальянская исследовательница верно увидела в стихах невольников потаенное терпение во имя христианского «чувства искупления грехов» (с. 35), которое отличало творчество людей, сформировавшихся в до-революционной России, где религиозное начало оказывало заметное влияние на развитие художественной и общественной мысли.

Информационно насыщенная статья О.В. Бочкаревой «Кемский пересыльно-распределительный пункт (КПП) Соловецких лагерей и тюрьмы (1920–1939 гг.)» отображает генезис, эволюцию всех пенитенциарных учреждений СССР на примере Кемперпункта, ставшего трагическим символом, своеобразными «вратами ада» в изломанных судьбах заключенных 1920–1930-х гг.

Все семь мемуаров (А.П. Петрова, М.З. Никонова-Смородина, Н. Канева, В.В. и Т.В. Чернавиных, Ф.К. Олехновича и О.В. Волкова) объединяет сверхзадача – обнажение борьбы «свободной личности против бесчеловечной репрессивной государственной машины» (С. 11). И это показано правдиво. «Внутренний пафос» драматических личных повествований являет определенное единство духовно-нравственных ценностей соловецких страдальцев, несмотря на их разный социальный, образовательный и интеллектуальный статус.

Разнящиеся по своему научному и аналитическому потенциалу предваряющие статьи В. Умнягина, А.В. Амфитеатрова, В. Крейда, Е.Г. Сойни, А.Е. Тараса и М.Е. Бабичевой помогают глубже почувствовать и осмыслить культурный и исторический контекст времени и увидеть «смыслы и ценности человеческой жизни, которые проявляются в моменты ее высшего напряжения» (С. 12).

Как и в предыдущих томах данного издания, *Библиография*, *Топографический* и *Именной указатели*, *Глоссарий* и *Список аббревиатур* соответствуют содержанию книги и свидетельствуют о высокой профессиональной подготовленности публикаторов. Особенно отметим библиографический список М.А. Смирновой «Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения. Соловецкое общество краеведения. Библиографический список», который представляет собой бесценный источник для исследователей соловецкой проблематики.

Переходя непосредственно к текстам воспоминаний, отметим поразившую нас в мемуарах А.П. Петрова «Воспоминания изгнанника за веру» идею солидарности и бесстрашия братьев по вере, ведомых на смерть: «Мы шли, как герои, после победы... В таком духовном состоянии не страшно было не только идти в концлагерь, но и на смерть... Нам было понятно, что мы находимся там, где престол сатаны...» (С. 65). В хаосе страданий, слез и обид человек, как никогда, был проникнут спасительной и возрождающей к жизни силой Бога.

Воспоминания С.В. Никонова-Смородина (Т. 3. Никонова) «Красная каторга», как и воспоминания первопроходца соловецкой темы С.А. Мальсагова, просты в изложении, почти фотографичны, без беллетризации. Но в отличие от С.А. Мальсагова «обывательски, фаталистически покорны... к обстоятельствам» (С. 117). Смородин в изображении «адостроя» продолжает традицию inferнальной символичности описания бессмысленного рабского труда и фальшивой отчетности. Очень четко, поэтапно он показывает судьбы «изъятых из гражданского оборота граждан» (С. 128) новыми рабовладельцами, главными видовыми свойствами которых были демагогия, ложь и провокация.

Воспоминания-этюды В. Канева «Сатаниада» – дальнейшее развитие темы антропологической катастрофы русской военной элиты, лишившейся «воли еще с первых дней революции» (С. 268) и ставшей творцами нового большевистского ада. В. Канев четко показывает превращение СЛОНа в трудовой лагерь в начале 1930-х гг., когда страна нуждалась в бесплатных, бесхозных рабах, которые должны были «добросовестным трудом... доказать, что достойны снова стать свободными и равноправными гражданами великой социалистической страны трудящихся» (С. 269).

Для нас особенно интересен был этюд «Ингуши» о неудавшемся групповом побеге в 1929 г. соотечественников легендарного удачливого беглеца С.А. Мальсагова.

Бежавшие в 1932 г. в Финляндию члены семьи Чернавиных оставили по книге личных воспоминаний о соловецкой неволе: «Записки вредителя» и «Побег из Советской России». То, что супруги бежали вместе с 12-летним ребенком, делает их подвиг еще более величественным. Принявшие «новое дело» строительства социализма, эти люди старались вписаться в систему, но возникшее государство в государстве под названием ГПУ уничтожило всех: «Какой зловредный идиот посмеет назвать этот путь социализмом?» (С. 442) Не найдя ответа на этот вопрос, они вырвались из хаоса на свободу.

Профессор ихтиологии В.В. Чернавин в своих воспоминаниях математически точно, по пунктам зафиксировал родовые черты нового советского строя. Он же отметил поразительную черту окружающей его действительности: «...в концентрационных лагерях заключенные не только должны представлять рабочую силу, но они организуют производство и торговлю, сами с оружием в руках охраняют себя от побегов или преследуют бежавших, сами организывают за собой шпионаж, сажают в изоляторы, подводят под расстрел и, наконец, сами перевоспитывают и перековывают себя» (С. 353).

Продолжая мысль своего мужа искусствовед Т.В. Чернавина, задает не менее парадоксальный вопрос, не имеющий окончательного разрешения и на сегодняшний день: «...как при убийственной политике большевиков страна, голодная, бедствуя, не разваливается и достигает крупных успехов во многих областях» (С. 448).

В мемуаре Чернавиной явлено невероятное мужество измученных, изувеченных людей, последние силы отдающих на осуществление главного дела своей жизни – спасения своего сына и себя из губительного бесчеловечья. Сильнейшие эмоциональные и психологические переживания вызывает описание пения мальчика, на звуки которого отец, почти неживой, бежал спасать своего сына и жену.

Ценнейшими для историков культуры и литературы постсоветского пространства является текст белорусского писателя и драматурга Ф.К. Олехновича, а также информационно-просветительская статья его переводчика и публикатора А.Е. Тараса. Идеино-практическая работа ОГПУ по «разложению эмиграции» с заманиванием патриотически настроенных людей, а затем их уничтожение в концлагерях на примере судьбы Олехновича – важная иллюстрация функционирования чекистского механизма вне территории СССР: «Оттуда – с Лубянки, 2 – ГПУ своими щупальцами ужасного полипа, которого породила революция и который вырос на теле несчастных народов Союза Советских Республик, охватывает шестую часть мира, простирается дальше через сопредельные страны, через реки, моря, океаны – повсюду, где смерть собирает свою жатву, повсюду, где льется человеческая кровь» (С. 516).

Профессиональный писатель, Олехнович создал органичную, художественно убедительную картину человеческой трагедии (о женщинах, голодных галлюцинациях, о письмах, о совмещении яви и сна).

Заключительные воспоминания О.В. Волкова – эталонные с точки зрения соблюдения баланса документального и художественного воспроизведения исторического и культурного контекста 1920–1930-х гг., совершенное обобщение трагического опыта жития многострадального русского (и не только) народа в XX в.: «Соловки станут зарубкой, вехой в истории России. Символом ее мученичества» (С. 620).

Особо отмечаем предваряющую текст О. Волкова статью М.Е. Бабичевой – лучшую научную работу в этом томе. В связи с этим (в качестве критического наблюдения) вынуждены признать, что общий уровень исследовательских статей, предваряющих мемуары, несколько снижен по сравнению с предшествующими изданиями ВСУ.

Сведения об авторе:
Мариам Джамалдиновна Яндиева,
канд. филол. наук
руководитель историко-просветительского общества
«Ингушский мемориал»

Mariam D. Yandieva,
PhD
Head of the Historical and Educational Society
«Ingush Memorial»
m_yandieva@mail.ru

The Book Series «Memories of Solovki Prisoners» (1923–1939). Vol. 5